

DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-402-415

УДК 330.322.011.2

Роль прямых инвестиций в развитии инновационной экономики России (1991–2017 гг.)

Н.А. Диесперова

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматривается влияние прямых инвестиций, в том числе иностранных (ПИИ), на развитие инновационной экономики России. Дана характеристика негативной ситуации, сложившейся в российской национальной инновационной системе: основные индикаторы инновационности в 2017 г. остаются на уровне 2000 г. Выявлено отрицательное влияние ПИИ на промышленность России. Показано, что негативная роль ПИИ обусловлена пассивной позицией государства в управлении потоком инвестиций. Предложен подход построения системы управления институтами НИС, основанной на принципе обеспечения взаимовыгодных условий всем участникам инновационного процесса. На примере венчурных фондов и технопарков обоснована необходимость государственного контроля результативности инновационных институтов по их вкладу в рост количества инновационно-активных предприятий в реальных секторах российской экономики, как основного критерия управления инвестициями.

Ключевые слова: инновации, прямые иностранные инвестиции, венчурные фонды, технопарки, инновационно-активные предприятия

Введение

Кардинальное повышение производительности труда за счет реализации инновационного сценария развития России — «единственная реальная альтернатива» для преодоления «крайней неэффективности российской экономики», а фрагментарная модернизация экономики «неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий и подвергает угрозе само существование страны» — таков «диагноз» положения в российской экономике озвученный В. Путиным при обсуждении стратегии развития России до 2020 г. (Выступление В. Путина..., 2008).

Задачи, поставленные Президентом как условие для преодоления «крайней неэффективности...», по существу, составляют основное содержание долгосрочной программы социально-экономического развития России. Это:

1. Формирование национальной инновационной системы (НИС) как всей совокупности государственных и частных институтов, поддерживающих инновации.
2. Закрепление и усиление естественных преимуществ государства.
3. Масштабная модернизация существующих производств, включая изменение практически всех используемых в России технологий, почти всего парка машин и оборудования.

4. Переход к принципиально иному качеству управления предприятиями — «принятие “Концепции социально-экономического развития страны до 2020 года” и конкретного плана действия по всем обозначенным... направлениям» — вплоть до «пошагового плана».

Оценка выполнения поставленных Президентом задач содержится в преамбуле Проекта концепции «Инновационная Россия 2020», где зафиксированы неэффективность всех принимаемых с 2000 г. государственных программ инновационного развития страны и «абсолютное доминирование наименее передовых типов инновационного поведения — заимствование готовых технологий, что характеризует НИС РФ как ориентированную на имитационный характер, а не на создание радикальных нововведений и новых технологий» (Стратегия инновационного развития..., 2011). В результате — отсутствие прогресса в инновационной экономике России: основные индикаторы инновационности экономики по итогам 2016 г. практически на том же уровне, что и в 2000 г. (Статистические сборники ВШЭ..., 2007—2018), а показатель производительности труда в России в последнее время демонстрирует падение, сравнявшись с уровнем 2007 г. и значительно отставая от аналогичных показателей США и стран ЕС (рассчитанная как ВВП на одного занятого, производительность труда в России составляет 44 936 долл., аналогичный показатель в США выше в 2,5 раза, во Франции и Германии — в 2 раза) (Статистические данные ОЭСР..., 2017).

И это все несмотря на более чем 10-кратное увеличение затрат государства на технологические инновации (49,4 млрд руб. в 2000 г. и 778 млрд руб. в 2016 г.), рост внутренних затрат на НИОКР (76,7 млрд руб. в 2000 г. и 943 млрд руб. в 2016 г.), а также создание по аналогу западной инновационной инфраструктуры (НИС) и системы мотивации участников производства инноваций (Статистические сборники ВШЭ..., 2007—2018). Почему столь устойчива неэффективность принимаемых государством мер по строительству инновационной экономики? Почему ректор НИУ ВШЭ Я. Кузьминов иронизирует: «Наверное мы все устали от стратегий, где мы просто пишем, как сделать лучше, а потом расстраиваемся, что это не реализовано»? (Выступление ректора ВШЭ..., 2016).

Наше исследование представляет попытку найти ответ на эти вопросы на основании анализа российской практики 1990—2017 гг. по изменению негативной ситуации в инновационной сфере страны преимущественно за счет увеличения инвестиций в модернизацию российской экономики и, в частности, в НИС. Цель исследования — предложить и обосновать подход к решению комплекса поставленных Президентом задач как единого объекта управления.

Обзор литературы

Предложения по кардинальному изменению негативной ситуации в НИС России, сформулированные в Проекте, легли в основу концепции «Стратегия 2020» (Стратегия инновационного развития..., 2011). В «Стратегии» поставлена задача создания базы для полноправного участия России в мировом рынке инновационных товаров и технологий: к 2020 г. довести с 10 до 40—50 % долю инновационно активных предприятий и, как следствие, увеличить в 3—5 раз долю инно-

вационной продукции в промышленности, в 8 раз долю в мировом экспорте высокотехнологичных товаров и услуг.

Три сценария развития экономики страны развернуты в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года» (Прогноз долгосрочного социально-экономического развития..., 2013) как программы достижения соответствующих темпов роста экономики в 2013—2030 гг.

1. Темпы 3,0—3,2 % ВВП соответствуют возможностям «консервативного сценария», основанного на активной модернизации ТЭК и сырьевых комплексов с ориентировкой в большой степени на импортные технологии и знания.

2. Темпы 4,0—4,2 % ВВП — цель «инновационного сценария», опирающегося на создание конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств и экономики знаний наряду с модернизацией энергосырьевого сектора при превращении инновационного фактора в ведущий источник экономического роста.

3. Темпы 5,0—5,4 % ВВП — результат «форсированного сценария» при интенсивном росте экономики на базе «инвестиционного сценария» и масштабном несырьевом экспорте на основе привлечения иностранного капитала, передовых технологий и предпринимательской инициативы.

Таким образом, все три сценария предполагают реализацию модели «догоняющего» развития, успех которого ставится в зависимость от прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Как известно, ПИИ включают создание предприятия или его филиала как собственности инвестора на территории реципиента, поглощение или покупку существующих на территории реципиента предприятий или филиалов, приобретение более 10 % акций уставного капитала предприятий реципиента, предоставляющее право участия в управлении и право на нематериальные активы. Цель ПИИ — максимизация прибыли на вложенный капитал путем всесторонней помощи реципиенту в организации высокотехнологического производства и эффективного сбыта его продукции на мировом рынке (положительный эффект ПИИ) или за счет завоевания местного рынка без существенного влияния на конкурентоспособность его продукции (отрицательный эффект ПИИ).

Привлечение ПИИ как необходимое условие социально-экономического развития России поддерживает практически вся научно-производственная элита страны: академик РАН Н. Иванова: желательна «активизация присутствия иностранных инвесторов» как носителей передовых технологий (Иванова, 2016); профессор Н. Моисеева: предпочтительна концепция «открытых» инноваций «...неважно — своих или чужих» (Моисеева, 2015); профессор О. Голиченко: нужна «политика внешнего толчка, в частности внешними силами» (Голиченко, 2015); доктор экономических наук А. Фототов: необходимо достигнуть уровня технологического развития развитых стран за счет концентрации усилий «...на основе массового заимствования и адаптации западных технологий» (Фототов, 2013); Столыпинский клуб: «импорт, адаптация, масштабирование передовых технологий» (Доклад Столыпинского клуба..., 2015). Диссонансом столь единой позиции звучит предостережение Е. Гайдара: «...наша задача на ближайшие перспективы — не искать лучший мировой опыт для развития России. Задача — четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет и что не будет работать» (Гайдар, 2003).

В каком объеме, в какие отрасли придут и какие технологии принесут ПИИ, их влияние на развитие инновационной экономики обсуждается значительно

меньше. Считается, что все импортируемые технологии — передовые по определению. В действительности темпы развития техники и технологий настолько ускорились, что значительная часть технологий в развитых странах находится на ниспадающей части жизненного цикла. Учитывая временной лаг после получения ПИИ для освоения таких технологий, российская промышленность, по существу, обречена на постоянное отставание от мирового уровня.

Меры по изменению пока негативной ситуации изложены в «Стратегии научно-технологического развития России до 2035 года», нацеленной не только «... на получение технологий, способных ответить на основные вызовы», но и на то, чтобы «вывести на новые рынки наукоемкие отечественные технологии, повысить результативность проводимых российскими учеными исследований» (Стратегия научно-технологического развития..., 2016).

Принцип «получения технологий» с ПИИ Президент сформулировал 16 июня 2016 г. на встрече с иностранными инвесторами в рамках ПМЭФ-2016: для «повышения эффективности» действующих предприятий и «проведения серьезного технологического обновления промышленности мы ... заинтересованы в том, чтобы вместе с капиталами к нам приходили и современные технологии на *взаимовыгодных условиях*» (Встреча В. Путин с иностранными инвесторами..., 2016).

С нашей точки зрения, обеспечение взаимовыгодной деятельности (мотивация) всех участников инновационного процесса (ИП) — от инвесторов, включая государство, до предприятий, внедряющих инновации, — является главным из необходимых условий инновационного развития России, особенно сегодня, когда нарастает тенденция достижения выгоды одних участников ИП за счет других. Нарушение принципа взаимовыгодности усиливает позиции модели имитационного развития российской экономики из-за нарушения баланса интересов в цепочке «государство (основной инвестор инновационного процесса в стране) — генераторы инноваций — предприятия, их реализующие». Например, (п. 11 Стратегии 2035) «...слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла приводят к тому, что государственные инвестиции в человеческий капитал фактически обеспечивают рост конкурентоспособности других экономик». Замкнуть инновационный цикл предполагается, сформировав эффективную «...современную систему управления» инновационным процессом (п. 29 (г) Стратегии 2035) и задействовав инструменты, обеспечивающие «...быстрый переход результатов исследований в стадию практического применения» (п. 33 (б) Стратегии 2035).

По существу, в «Стратегии 2035» фиксируется «несовременность» действовавших в течение 1990—2017 гг. системы и инструментов управления инновационным процессом, прежде всего, в основных институтах российской НИС. В результате — отсутствие заметного прогресса в развитии инновационной экономики России, за исключением оборонного сектора, в течение последних ~25 лет.

Роль государства в инновационном процессе в 1990—2017 гг.

В инновационном цикле «государство — технологии — выход» только государство имеет необходимые инструменты в системе управления для создания и поддержания взаимовыгодных условий для деятельности каждого из участников

инновационного процесса, что является важнейшим необходимым условием реализации всех сценариев Прогноза в рамках «Стратегии 2035».

Однако и в «Стратегии 2020», и в Прогнозе, и в «Стратегии роста» (программа Столыпинского клуба) взаимовыгодные условия в значительной мере игнорируются. А именно: в части «*что сделать*» подробно расписаны обязанности государства — реорганизовать такие-то ведомства, создать новые, в т.ч. современную НИС, скорректировать почти все существующие законы, ликвидировав некоторые, и пр. Другими словами, кардинально перестроить существующие отношения общества и бизнеса именно в пользу последнего, реализовав тем самым одно из ключевых положений программы Президента (Выступление В. Путин..., 2008): «...переход к принципиально иному качеству управления предприятиями». Конкретные же предложения — «*как сделать*» — в явном или завуалированном виде основаны на знаменитых десяти принципах «Вашингтонского консенсуса», отражающих политику МВФ и МБРР по глобализации экономик развивающихся стран под эгидой западных элит. Это принципы «...в значительной мере реализованные в 1990-х гг. в России с непосредственной помощью МВФ и МБРР и приведшие к катастрофическим последствиям для российской экономики» (Стиглиц, 2003).

Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц считает «последствия» результатом несовершенства российских институтов, особенно инновационных, и эти «последствия» все еще остаются в нашей экономике, хотя *формально* все основные положения «программы Президента» (Выступление В. Путин..., 2008), которые находятся в компетенции государства, почти выполнены или выполняются: НИС страны в части количества и структуры инновационных институтов не уступает ведущим развитым странам — продолжается «закрепление и усиление наших естественных преимуществ»; увеличивается масштаб модернизации и объем финансирования экономики в целом и инновационной сферы в частности с привлечением зарубежного капитала; постоянно совершенствуется механизм взаимодействия государства и бизнеса практически во всех сферах народного хозяйства. Однако основные индикаторы инновационности экономики пока остались на уровне 2000 г.

По нашему мнению, дело в том самом «почти», когда эффективность использования инвестиций определяется самими получателями, исходя из собственных критериев «выгодности», не обязательно совпадающими с интересами государства и общества. Государство, ограничив свою роль в инновационном цикле функциями финансирования и создания благоприятных условий для инвесторов, фактически упустило контроль за эффективностью инфраструктуры НИС в использовании ПИИ/внутренних прямых инвестиций с позиций «выгодности» для развития инновационной экономики. Как следствие, «размытость» ответственности за использованием инвестиций в конкретных институтах инновационной сферы.

Очевидно, что для управления инновационным процессом необходимы критерии результативности соответствующих инновационных институтов. Сегодня таковыми являются оценки их деятельности как традиционных бизнес-единиц: на «входе» инвестиции, на «выходе» прибыль. В результате НИС как единая система институтов производства и реализации инноваций трансформировалась в сотни достаточно самостоятельных организаций (только технопарков в России

в 2017 г. 255!), управление которыми без единой оценки их соответствия цели создания вряд ли может быть эффективным.

Такой оценкой является количество созданных инновационно-активных предприятий (ИАП) конкретным инновационным институтом в наукоемких высокотехнологичных отраслях реальной экономики по своим или заимствованным, но адаптированным к российским условиям, технологиям. Для реализации функции «ответственность» в системе управления НИС орган (лицо), отвечающий (ее) за исполнение инновационным институтом его предназначения, должен иметь в своем распоряжении так называемые «управляющие воздействия» для: 1) мотивации институтов, создающих ИАП; 2) принуждения к изменению деятельности институтов, не создающих ИАП.

В развиваемом нами подходе «благоприятные условия» и «принуждение к изменению» — это, с одной стороны, преференции (налоговые, тарифные, арендные и др. льготы) разработчикам инноваций и предприятиям, их реализующим, с другой — качество инвестиций, а именно: «точка приложения» и соответствие передовым технологиям.

Это два взаимодополняющих фактора: привлечение ПИИ может отрицательно сказаться на росте числа ИАП, если «точка приложения» самых «передовых» технологий — морально устаревшие или экологически вредные российские предприятия. Также негативный эффект имеет место, когда совсем не «передовые» технологии внедряются на предприятиях современного уровня.

Последствия недостаточного внимания государства к управлению НИС и качеству инвестиций, в том числе ПИИ, особенно явно проявились в деятельности двух важнейших инновационных институтов — венчурных фондов и технопарков — в ходе их эволюции с 1991 по 2017 г.

ПИИ в российской экономике в 1991—2017 гг.

Очевидно, что выбор «точки приложения», критериев результативности ПИИ и затрат государства для строительства инновационной экономики фактически определяет направление деятельности акторов инновационного цикла «государство — технологии — выход» и, в конечном итоге, результат функционирования НИС как основного инструмента инновационного развития страны, уровня и темпов модернизации.

Венчурное предпринимательство — как промежуточное звено между НИОКР и реальным сектором — один из важнейших элементов инновационной экономики, «когда к изобретению подключается бизнес, и новая идея становится инновацией» (Шумпетер, 1982), созданный в России зарубежным капиталом в переходные 1990-е гг., включает всю российскую систему венчурных ПИИ и венчурных фондов (ВФ). Первые \$500 млн ПИИ были разделены между подконтрольными МБРР одиннадцатью ВФ в 1994 г. Их отраслевые предпочтения — «сельское хозяйство и пищевая промышленность, потребительские товары и услуги, финансовые услуги, фармацевтика, телекоммуникации. И отдельно — фонд оборонных предприятий (Defense Enterprise Fund) — для «оказания помощи в проведении приватизации оборонных предприятий, конверсии техно-

логий и производственных мощностей с обязательным участием зарубежных партнеров соответствующего профиля» (Обзор рынка..., 2005).

В 1994—1998 гг. на территории России действует уже 37 ВФ со 100 % иностранным капиталом и капитализацией 2,6 млрд долл. ПИИ в 1994—1998 гг. составили 1,162 млрд долл., «точкой приложения» стали «лучшие на то время» российские предприятия среднего бизнеса «с положительной динамикой роста», которые переходили под иностранное управление с перестройкой производства преимущественно под сырье и комплектующие страны-инвестора через фонды прямых инвестиций (ФПН, РЕ-фонды). Собственно ВФ фонды (VC-фонды) составляли менее 8 % капитализации всех фондов (Обзор рынка..., 2005). К 2004 г. число действующих ВФ в России выросло до 50, общая капитализация достигла 3,1 млрд долл., до 80 % средств фондов имели зарубежный источник. За 1999—2004 гг. в российские компании было вложено порядка 1,304 млрд долл., предпочтения остались неизменными (Обзор рынка..., 1999—2004).

Однако миллиарды РЕ- и VC-фондов практически не оказали сколько-либо значимого влияния на показатели инновационности экономики. В действительности на территории России ВФ в зарубежном исполнении в своем большинстве не являлись таковыми по выполняемым функциям — инвестиционной поддержки инновационных проектов от идеи (start-up) до ее коммерциализации (exit), а также финансирования существующих и особенно вновь создаваемых наукоемких и высокотехнологичных предприятий. В результате выбранной таким образом «точки приложения» действующие на территории России ВФ из сильного инструмента инновационного развития экономики в значительной степени трансформировались в своеобразные барьеры, препятствующие модернизации промышленности путем выключения немалого количества лучших в начале 1990-х гг. отечественных предприятий из инновационного процесса.

Последствия этого «эффекта» трудно оценить: «единственный правильный критерий ВФ — возвратность инвестиций (ROI), но этот показатель фонды, конечно, *сохраняют в секрете*» (Обзор рынка..., 2005). Открыты данные по числу ВФ, количеству сделок, объему инвестиций, количеству выходов (реализованные проекты). Но их реализация в течение 1994—2004 гг., по существу, не имеет отношения к экономике России: все 98 выходов материализованы продажей стратегическому инвестору (~55 %) и выкупом менеджерами (~45 %), и те и другие преимущественно иностранцы, параметры выходов, как правило, не раскрываются. Таким образом, бесконтрольная деятельность иностранных ВФ в части «точки приложения» ПИИ и критериев их эффективности привела к тому, что 99 % инновационных усилий российских компаний — резидентов ВФ стали достоянием зарубежных ТНК, не оказав заметного влияния на показатели инновационности российской экономики (Обзор рынка..., 2005).

К сожалению, такая практика во многом продолжает сохраняться до настоящего времени. Эффективность «массовых» венчурных инвестиций в 2006—2016 гг. через созданную государством при поддержке Минэкономразвития Российскую венчурную компанию (РВК) проявилась в координатах тех же показателей (табл. 1), несмотря на то, что доля российских источников ВФ уже достигает 46 % (параметры выходов также не раскрываются).

Таблица 1/ Table 1

Ключевые показатели российского венчурного рынка в 2011—2016 гг.
[Key indicators of the Russian venture market in 2011—2016]

Показатель	Годы					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Совокупный объем сделок в венчурной экосистеме России, млн долл.	1071	1980	2890	1690	2190	410
Совокупный капитал венчурных фондов, работающих на рынке России, млн долл.	3449	4537	4968	4682	4125	3795
Число действующих на российском рынке фондов венчурных инвестиций	97	160	201	216	226	178
Объем венчурных сделок на рынке России за год, млн долл.	746	912	653	481	233	165
Число венчурных сделок на рынке России за год	137	188	222	149	180	184
Число выходов с участием PE- и VC-фондов	22	20	41	50	50	22
Известный объем выходов с участием PE- и VC-фондов, млн долл.	289	4800	3763	1927	601	52
Средний объем инвестиционной сделки на российском венчурном рынке, млн долл.	5,4	5,6	3,1	3,3	1,5	1,1

Источник: составлено автором по данным отчетов РВК «Обзор рынков прямых и венчурных инвестиций» 2011—2017 гг. URL: <http://www.allventure.ru>

Так, до 80 % инвестиций сконцентрированы в одном секторе — это сектор ИТ, тогда как объем инвестиций (венчурных сделок) в секторах промышленных и биотехнологических составил менее 8 и 10 % соответственно (по данным за 2016 г.), так как это «тяжелые» инновации — требуется значительное время для создания приемлемого для рынка продукта и его коммерциализации, а интеллектуальная собственность не всегда может быть защищена. При этом, как и 10 лет назад, 80 % прямых и венчурных инвестиций приходится на стадию расширения компаний-реципиентов, тогда как на посевную и начальную стадию — около 2 %, на раннюю — до 6 % (Обзор рынка..., 2007—2017).

Успешные ИТ-проекты материализуются прежде всего за рубежом. То есть в конце 1990-х гг. у инвесторов ПИИ заканчиваются возможности высокодоходного инвестирования в уже работающие компании, и ТНК подключаются к освоению разработок российских ИТ-компаний. Также большинство управляющих компаний ВФ предпочитают не распространять какую-либо информацию о результативности своих действий, а наиболее успешные фонды, например Runa Capital, выносят свои штаб-квартиры на Запад, поближе к основным потребителям.

Таким образом, переход от чисто иностранных к почти российским ВФ (почти — потому что не всегда можно распознать, какова доля ПИИ в частных венчурных фондах и сколько проектов «ушло» за рубеж без материализации в России) не изменил ситуацию: в настоящее время важнейший сектор производства инноваций фактически не влияет на развитие инновационной экономики, сосредоточившись на коротких ИТ-проектах, хотя именно в ВФ и финансируемых ими компаниях сосредоточена весьма значительная часть человеческого капитала страны. К тому же заимствование продолжается — многие частные ВФ процветают, зарабатывая на копиях западных ИТ-продуктов (Обзор рынка..., 2016).

Тот же эффект (точнее — его отсутствие) и те же проблемы проявляются в деятельности отечественных технопарков (ТП). По данным Ассоциации кластеров и технопарков, результаты деятельности за год 125 ТП, в составе которых 4317 компаний-резидентов, характеризуются следующими показателями: выручка 203,5 млрд руб.; количество рабочих мест, созданных резидентами, 73 546 чел.; налоговые отчисления 56,4 млрд (Третий ежегодный обзор..., 2017).

В свете этих показателей высокая эффективность технопарков как бизнес-единиц несомненна, однако она в основном достигается за счет трансформации института, назначение которого — разработка инноваций от идеи до ее реализации в промышленности, в коммерческую организацию, предоставляющую статус резидента и соответствующие льготы традиционным, совсем не инновационным предприятиям. Однако детальный анализ по ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц) видов деятельности лучших ТП показал, что инновациями как основной деятельностью заняты от 16 до 21 % резидентов, остальные резиденты «обеспечивают совокупный устойчивый рост выручки и новых рабочих мест» так называемыми дополнительными видами деятельности по ЕГРЮЛ, пользуясь всеми преференциями, установленными для резидентов технопарков (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

**Основные направления деятельности резидентов технопарков
«Слава», «Мордовия», «Академпарк» (%)**
[Types of activity of residents of the technoparks “Slava”, “Mordovia”, “Academpark” (%)]

Вид деятельности	Технопарки		
	Слава (Москва)	Мордовия (Саранск)	Академпарк (Новосибирск)
Научные исследования и разработки в области естественных и технических наук	11,2	18,1	21,9
Производство: от машин, оборудования, лекарств до бетонных и деревянных строительных изделий	39,6	34,3	38,1
Оптовая и розничная торговля: от машин, фармацевтики до журналов, продуктов и напитков	38,6	17,1	32,0
Услуги: от техобслуживания оборудования и автомобилей до деятельности агентов по продажам и рекламе	10,6	30,5	8,0

Источник: составлено автором по данным официальных сайтов. URL: <http://www.technopark-slava.ru> (2017); <http://www.technopark-mordovia.ru> (2017); <https://academpark.com> (2017).

Таким образом, сегодня сотни технопарков и большинство других инновационных институтов страны рапортуют о выручке своих резидентов, об окупаемости вложенных в создание инфраструктуры средств, о выплачиваемых предприятиями-резидентами налогах — обо всем, кроме достижений в своей инновационной деятельности — количестве конкурентоспособных технологий, пригодных для внедрения в средне- и высокотехнологичных отечественных компаниях.

Очевидно, что затраты государства на создание инфраструктуры технопарков с целью построения инновационной экономики в определенной мере ушли не по назначению — в технопарках, по образному выражению ректора ВШЭ Я. Кузьмина, «не расчищается рынок от “непохороненных” мертвых технологий» (Выступление ректора ВШЭ..., 2016).

Выводы и предложения

Отсутствие заметного роста доли инновационно активных предприятий в экономике с 2000 г. по настоящее время (с 2000 г. по 2017 г. показатель оставался на уровне до 10 %) является неоспоримым доказательством неэффективности использования инвестиций, особенно ПИИ, в инновационные институты России. Более того, при бесконтрольном внедрении ПИИ оказали негативное влияние на формирование инновационной экономики, выключив из инновационного процесса наиболее активные в 1990-е гг. российские предприятия и значительную часть человеческого капитала страны.

Очевидно, что без системы объективных оценок результативности основных институтов НИС навести порядок в экономике (по Стиглицу) чрезвычайно сложно. Без таких критериев трудно оценить ход реализации «Стратегии 2020» и возможность реализации инновационного сценария в «Прогнозе инновационного развития российской экономики до 2025—2030 гг.». Сложно и собрать НИС в целостную систему из отдельных, по выражению Д. Медведева, «блоков». Темпы подготовки системы критериев выполнения задач, поставленных Президентом в 2008 г. и во многом озвученных в Послании к Совету Федерации 01.03.2018 г. (Послание Президента..., 2018), явно недостаточны. Так, согласно «Плану реализации стратегии научно-технического развития России на 2017—2019 гг.» только к 31.12.2019 г. «...будут внесены изменения» в документы стратегического планирования, в т.ч. «касающиеся показателей эффективности, отражающих результативность исследований и разработок» (План реализации Стратегии..., 2017).

Наши предложения по формированию системы критериев результативности деятельности российских инновационных институтов с точки зрения их влияния на экономику страны и эффективности использования прямых инвестиций, в том числе иностранных, для перехода к инновационной экономике основаны на внедрении критериев качества инвестиций — куда («точка приложения») и что (уровень технологии, оборудования и пр.) предлагают инвесторы. Возможным эффективным инструментом управления являются преференции, предоставляемые государством инновационным институтам всех видов. Основанием для поощрения институтов, успешно выполняющих свое предназначение, и принуждения невыполняющих сегодня являются экономические показатели (выручка, прибыль, налоги), которые, конечно, важны, но их уровень несоизмерим с результатами внедрения инноваций в предприятия реальной экономики.

На наш взгляд, это единственное управляющее воздействие, которое может изменить негативную ситуацию, сложившуюся в НИС России. Прежде всего, потому, что все участники инновационного цикла разработки инновационной технологии будут вынуждены объединяться в «творческую команду», мотивированную на внедрение своих разработок. По существу, это в определенной степени практика экономики СССР, когда все без исключения средние и крупные предприятия имели план новой техники (как обязательный раздел техпромфинплана) и персонально ответственных за его выполнение, карьера и наличие материальных благ которых зависели от конечного результата — внедрения инно-

вации. Возможно, поэтому тогда значительно большая доля предприятий были инновационно активными.

Представляется, что предлагаемый нами подход позволит повысить эффективность использования прямых инвестиций (как ПИИ, так и внутренних) при управлении инновационными институтами путем дифференциации предоставляемых инвесторам льгот по «точке приложения» и степени соответствия мировому уровню заимствованных за рубежом технологий.

Для реализации нашего подхода не требуются годы, если государство сможет осуществить действенный контроль и управление результативностью своих инновационных институтов. Пока же принятые сегодня критерии оценки результативности НИС способствуют дрейфу российской модели догоняющего развития к тупиковой модели имитационного развития.

© Диесперова Н.А., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций в России: аналитические сборники РАВИ, 1994—2017. URL: www.allventure.ru (дата обращения: 15.03.2018).
- Встреча В. Путина с иностранными инвесторами в рамках ПМЭФ-2016. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2016/5762e8f39a794799eee27df4> (дата обращения: 18.03.2018).
- Выступление В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 08.02.2008 г. URL: <https://regnum.ru/news/954426.html> (дата обращения: 20 апреля 2018).
- Выступление ректора ВШЭ Я. Кузьминова на Красноярском экономическом форуме. 09.03.2016. URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/177443825.html> (дата обращения: 10 апреля 2018).
- Гайдар Е. Т.* Экономический рост и человеческий фактор // Вестник Европы. 2003. № 9. С. 69—89.
- Голиченко О. Г.* Национальная инновационная система: от концепции к методологии // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144—160.
- Доклад Столыпинского клуба «Экономика роста», 2015. URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (дата обращения: 12.04.2018).
- Иванова Н.* Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 5—16.
- Моисеева Н. К., Гончарова Т. Н.* Изменение моделей инновационного развития компаний // Маркетинг. 2015. № 4 (143). С. 91—98.
- Индикаторы инновационной деятельности: 2007—2018: статистические сборники ВШЭ / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii> (дата обращения: 20 апреля 2018).
- План реализации Стратегии научно-технологического развития России на 2017—2019 годы. URL: <http://bda-expert.com/2017/07/plan-realizacii-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-rossii/> (дата обращения: 18.04.2018).
- Послание Президента В. Путина Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 15.04.2018).

- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Минэкономразвития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: 01.04.2018).
- Проект «Инновационная Россия 2020». URL: [https://www.hse.ru/data/2011/10/13/1269204180/Инновационная Россия 2020.pdf](https://www.hse.ru/data/2011/10/13/1269204180/Инновационная_Россия_2020.pdf) (дата обращения: 25.03.2018).
- Распоряжение Правительства от 24.06.2017 № 1325-р. по выполнению плана реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017—2019 гг. URL: <https://government.consultant.ru/documents/3718641> (дата обращения: 10.04.2018).
- Статистические данные ОЭСР по величине производительности труда в динамике по странам за 2007—2017 гг. URL: <http://stats.oecd.org/index.aspx> (дата обращения: 12.04.2018).
- Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия-2020» / Минэкономразвития России; утверждена распоряжением Правительства РФ 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <http://www.innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года / утверждена Указом Президента от 1 декабря 2016 г. № 642. URL: <http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2016/06/prezentatsiya-proekta-SNTR-12.05.2016.pdf> (дата обращения: 10.04.2018).
- Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Национальный общественно-научный фонд. 2003. URL: https://royallib.com/book/stiglits_dgozef/globalizatsiya_trevognie_tendentsii.html (дата обращения: 08.03.2018).
- Третий ежегодный обзор «Технопарки России». 2017 / Ассоциация кластеров и технопарков. URL: <http://akitrf.ru/upload/ot211217.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
- Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010.
- Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 мая 2018

Дата проверки: 02 августа 2018

Дата принятия к печати: 06 сентября 2018

Для цитирования:

Диесперова Н.А. Роль прямых инвестиций в развитии инновационной экономики России (1991—2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 402—415. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-402-415

Сведения об авторах:

Диесперова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики Института космических технологий (ИКТ) РУДН. Контактная информация: e-mail: diesperova_natal@mail.ru

The role of direct investment in the development of Russia's innovative economy (1991—2017)

N.A. Diesperova

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article examines the impact of direct investments, including FDI, on the development of Russia's innovative economy. The unfavorable situation in the Russian national innovation system is shown: the basic indicators of innovation in 2017 remain at the level of 2000. The negative influence of FDI on the Russian industry, which is due to the passive position of the state in managing the investment flow, has been revealed. The article proposes an approach to the building of a management system of the institutes of the national innovation systems (NIS) based on the principle of ensuring mutually beneficial conditions for all participants of the innovation process. On the example of experience of activity of venture funds and technoparks, the need for state control of the effectiveness of innovative institutions, based on their contribution to the growth of the number of innovative active enterprises in the real sectors of the Russian economy as the main criterion for investment management is justified.

Keywords: innovations, foreign direct investments, venture funds, technoparks, innovative active enterprises

References

- Obzor rynka pryamyyh i venchurnyyh investitsiy v Rossii: analiticheskie sborniki RAVI. 1994—2017. Retrieved from: <https://www.allventure.ru> (accessed: 15.03.2018). (In Russ.)
- Doklad Stoly'pinskogo kluba «Ekonomika rosta» (2015). Retrieved from: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (accessed: 18.03.2018). (In Russ.)
- Fonotof A.G. (2010). *Rossiya: innovatsii i razvitie*. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ. (In Russ.)
- Gajdar E.T. (2003). Ekonomicheskij rost i chelovecheskij factor. *Vestnik Evropy*, (9), 69—89. (In Russ.)
- Golichenko O.G. (2014). Nacionalnaya innovacionnaya sistema: ot koncepcii k metodologii. *Voprosy' ekonomiki*, (7), 144—160. (In Russ.)
- Natsionalny issledovatel'skiy universitet «Vysshaya schkola ekonomiki». (2016). *Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti. Statistical Reference Book*. Moscow. 472 p. Retrieved from: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2016> (accessed: 20.04.2018). (In Russ.)
- Ivanova N. (2016). Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika. *World Economy and International Relations*, 60(1), 5—16. (In Russ.)
- Moiseeva N.K., Goncharova T.N. (2015). Izmenenie modelej innovacionnogo razvitiya kompanij. *Marketing*, (4), 91—98. (In Russ.)
- Plan realizacii Strategii nauchno-texnologicheskogo razvitiya Rossii na 2017—2019 gody (2018). Retrieved from: <http://bda-expert.com/2017/07/plan-realizacii-strategii-nauchno-texnologicheskogo-razvitiya-rossii/> (accessed: 18.04.2018). (In Russ.)
- Poslanie Prezidenta V. Putina Federalnomu Sobraniyu. (1 marta 2018). Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 15.03.2018). (In Russ.)
- Proekt "Innovacionnaya Rossiya 2020". Retrieved from: https://www.hse.ru/data/2011/10/13/1269204180/Innovacionnaya_Rossiya_2020.pdf (accessed: 25.03.2018). (In Russ.)

- Mine'konomrazvitiya RF. (2018). *Prognoz dolgosrochnogo socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda*. Retrieved from: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (accessed: 01.04.2018). (In Russ.)
- Rasporyazhenie Pravitelstva ot 24.06.2017 № 1325-r po vypolneniyu plana realizacii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na 2017—2019 gg. Retrieved from: <https://government.consultant.ru/documents/3718641> (accessed: 10.04.2018). (In Russ.)
- Shumpeter J.A. (1982). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii do 2035 goda. (2016). Retrieved from: <http://biotech2030.ru/wp-content/uploads/2016/06/prezentatsiya-proekta-SNTR-12.05.2016.pdf> (accessed: 10.04.2018). (In Russ.)
- Statistical data of OESR on labor productivity by countries in dynamics. (2007—2017). Retrieved from: <http://stats.oecd.org/index.aspx> (accessed: 12.04.2018). (In Russ.)
- Stiglicz Dzh. (2003). *Globalizaciya: trevozhnye tendencii*. Nacionalnyj obshhestvenno-nauchnyj fond. Retrieved from: https://royallib.com/book/stiglits_dgozef/globalizatsiya_trevognie_tendentsii.html (accessed: 08.03.2018). (In Russ.)
- Ministry of Economic Development of Russia Federation. (2010). The Strategy of Innovative Development of the Russian Federation until 2020 “Innovative Russia 2020”. Retrieved from: <http://www.innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf> (accessed: 05.03.2018). (In Russ.)
- Associaciya klasterov i texnoparkov. (2017). Tretij ezhegodnyj obzor “Texnoparki Rossii”. Retrieved from: <http://akitrf.ru/upload/ot211217.pdf> (accessed: 12.04.2018). (In Russ.)
- Vstrecha V. Putina s inostrannymi investormi v ramkax PMEF-2016. Retrieved from: <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2016/5762e8f39a794799eee27df4> (accessed: 18.03.2018). (In Russ.)
- Vystuplenie V. Putina na rasshirennom zasedanii Gosudarstvennogo soveta “O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda”. (2008). Retrieved from: <https://regnum.ru/news/954426.html> (accessed: 20.04.2018). (In Russ.)
- Vystuplenie rektora VShE Ya. Kuzminova na Krasnoyarskom ekonomicheskom forume. (2016). Retrieved from: <https://www.hse.ru/expertise/news/177443825.html> (accessed: 10.04.2018). (In Russ.)

Article history:

Received: 05 May 2018

Revised: 02 August 2018

Accepted: 06 September 2018

For citation:

Diesperova N.A. (2018). The role of direct investment in the development of Russia's innovative economy (1991—2017). *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 402—415. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-3-402-415

Bio Note:

Diesperova N.A., Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Applied Economics of the Institute of Space Technologies at Peoples' Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: diesperova_natal@mail.ru